

Carl Eska

Одиш

Карл Эска

Один

«Издательские решения»

Эска К.

Один / К. Эска — «Издательские решения»,

Почему «альбом», почему «один»? Книга, которую вы держите, больше похожа на альбом зарисовок из реальной жизни подростка, родившегося в 80-х. Юноша в одиночку старается разобраться в себе и мире, в котором он живет. Пытается понять окружающих людей, при этом оставаться человеком, а значит, добрым, честным, справедливым.

© Эска К.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Один шаг	9
I	10
II	12
История семейства Джонсов	13
I	14
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Один
альбом
Карл Эска**

© Карл Эска, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

27 сентября 2014

Мой дорогой читатель, прежде, чем решить, читать ли дальше или же оставить это для более (или менее) искушенного чтеца, наверняка, ты захочешь знать, о чем же здесь пойдет речь. Так или иначе, но я не в силах дать тебе четкого ответа на этот вопрос.

Я постарался здесь дать оценку некоторым ценностям человека, и предоставить читателю свое мнение о них так, чтобы он мог согласиться или не согласиться со мной, но, главное, обратить свой взор на вещи, о которых я решил вспомнить. Истории, рассказанные здесь, тесно переплетаются с моей реальной жизнью, хоть и завуалированы под измененными именами, событиями, дабы не вводить никого в краски; а тот, кто поймет суть, тот сохранит ее в себе. Из множества написанных рукописей здесь я попытался собрать самые дорогие и значимые моменты, расположить их в нужном порядке, хоть они и написаны были в разное время – это сделано нарочно.

Здесь я не мог ни упомянуть о своем старом друге Ли Чжоу. Он многому меня научил, хоть это и не выглядело, как ученичество, и о многих вещах поведал мне. Этот человек – пожалуй, самая значительная фигура, с которой меня свела судьба. Открою секрет: мы были с ним близкими друзьями, и много времени проводили вместе, хотя, на общем фоне – это была лишь кратковременная вспышка сверхновой. Мы часто встречались, делали ту или иную работу вместе, подолгу беседовали, спорили. Однако же, не суждено мне больше встретиться с ним в этом мире. Возможно, в другом... Быть может, в будущем тебе, мой друг, я поведаю о нем еще что-нибудь интересное, а может быть даже смешное, комичное.

Долгое время меня не посещала муза, но грусть и тоска мои в связи с событиями, которые навсегда осели осадком в глубине души, дали мне силу закончить эту работу. Мой дорогой читатель, не суди меня строго, если найдешь здесь дерзость или глупость. Это лишь мое видение простой череды событий этой брэнной жизни. Я постарался изложить здесь свои мысли так, чтобы, никуда не спеша, ты мог, читая это, отстраниться от всего происходящего, как я сейчас. Сажу себе спокойно в кафешке под открытым небом. Ранняя осень, но солнце еще светит, хоть и не дает тепла. Моя кафешка стоит на берегу реки, и легкий прохладный ветерок от нее обдувает меня. Я слышу, тихо играющую, песню Sting – «Shape of my heart», и я спокоен. Я чувствую умиротворение, и делюсь им с тобой.

20 февраля 2014

Мои мысли убивают во мне солнце, и свет внутри медленно гаснет. Я нарочно ввожу себя в прострации, извлекая при этом суть вещей. Я мазохист, причиняющий боль больше другим, чем себе. Живя жизнью других, я мог бы достичь предела желаний, но мне это не нужно. Отсюда течет река жизни моей. Не мне отвечать на вопрос, почему это есть так. Множество раз я задавал этот вопрос себе и Богу, но ответ так и остался в дымке безмолвия и тишины, о которой я так мечтаю. Тем самым, все больше уходя вглубь этого безмолвия, я все глубже увязую в своих прострациях, я уже не могу этого остановить. Я не превозношу себя, но и не гонюсь за ценой, ведь только торгош гоняется за ней, в поисках выгоды.

Даже бойцовые рыбки спокойны и отчужденны когда для всех хватает места. Мне душно в толпе и невероятно мало близкого человека, даже, когда он рядом. Неважно то, что этого никак не проявляю я, но чувства мои, как невидимые нити, выходят из моего тела и цепляются к человеку, жаждут его. Я мазохист, тянущийся к близкому, но мои поступки нежны ему, и я тем пугаю его.

Пролог

05 апреля 2013 – 14 мая 2013, 1 февраля 2014

Тишина, только ветер порывистый свистит и задувает по ухабам. Сухая земля под ногами, где редкая степная трава серого цвета изгибается под натиском ветра. Тишина. Спокойствие, теперь я спокоен. Уже ничто не может меня побеспокоить. Я полностью поглощен этой неистойвой тишиной и безмятежным ветром. Я стал тишиной.

Серого цвета небо, по которому быстро плывут сине-черного цвета тучи, ласточки – предвестники дождя. В воздухе пахнет дождем. Высохшая земля жаждет влаги, как я жажду тишины и не могу никак ею насытиться...

До самого горизонта – степь. Сумерки и долгожданное спокойствие. Я ждал этого момента всю свою жизнь. Слово, смотришь на самого себя в зеркало вплотную. Единственное отличие – это то, что я с легкостью могу разглядеть любую часть себя, каждую точку лица, каждую ниточку, ворсинку одежды, именно вплотную, кажется от меня до того, что я вижу, сантиметров пять, не больше...

Перед моими глазами мое точнейшее отражение. Здесь есть только я и ничего более. Черное пальто по классике, я вижу каждую его ворсинку, каждый скатанный шарик, ровные швы и полы, лежащие на земле. Рубашка на голом теле – синего цвета – очень яркая, потрепанный ее воротник, пуговицы и даже редкие коротенькие ниточки, торчащие из швов в разрезах под пуговицы...

Руки. Довольно небольшие кисти, испещренные глубоким рисунком. Вены пересекают тыльные стороны, словно реки в глухой пустыне. Руки, повидавшие немало за столь короткую жизнь...

Слегка оттопыренные уши – да уж, я не красавец. Кроткие волосы, среди которых то и дело попадаются седые, как бы я коротко не стригся, чтобы это скрыть. Ровно выбритые виски и «кантик» на шее. Легкая, но уже равномерно растущая, щетина. Здесь есть и черные, и темные русые, и даже попадаются рыжие волоски...

Искривленный в двух местах нос. Поперечный шрам на щеке, рисующийся здесь лет с пяти или шести. Я помню, как я его получил – это была детская глупость. Та собака была размером с меня...

Губы – обветрены на ветру. Тонкая прозрачная кожица маленькими чешуйками торчит во все стороны. Темно-алые, пересекаются множеством продольных канавок. Грубые, некрасивые губы...

На щеках, лбу, подбородке я могу разглядеть каждую ямочку и неровность, не говоря уже об острых скулах и впалинах. Поры на лице – чистые, крупные, видно даже то, как белые тоненькие волоски растут из них...

Брови, словно козырек крыши, надвинуты на глаза – томные, грузные. Они уже не блестят, как когда ранее. Темные, карие на фоне уже не белых белков, словно прожекторы бьют вперед, создавая у наблюдателя ощущение прикосновения. Такой взгляд называют тяжелым. Один глаз открыт шире, нежели второй – знак частых моих сомнений и негодований...

Более всего интересно то, что за свою жизнь я никогда не разглядывал настолько пристально свое лицо, вообще себя. Видимо, это единовременное отражение, накопившихся с годами, образов, наложение их один на другой. При этом я абсолютно уверен, что дотронувшись до себя руками, ни мой мозг, ни мои глаза или руки меня не обманут. Хотя, это только органы, воспринимающие окружающий мир лишь на основе ассоциаций, устойчиво закрепившихся в процессе моей жизнедеятельности. Их реакции можно легко поставить под сомнение. Я слышу музыку ветра, рваного ветра. Я чувствую, что он дует весьма сильно, но мое тело

при этом неподвижно. Только расстегнутое пальто колыхнется на мне, хотя и движения ткани несоизмеримы с ощущениями порывов ветра. Он мягко проходит между пальцев. Мне тепло.

Стоп. Что это? Словно невидимыми нитями, выходящими из всего моего тела, я ощущаю чье-то присутствие. Это вовсе не похоже на то, как неведомая сила заставляет тебя обернуться в сторону человека, пристально смотрящего на тебя.

Нет, это гораздо сильнее, кажется, волосы на моей голове встали дыбом, а по телу побежали мурашки. Но я этого не чувствую. Ничего не чувствую. Я лишь вижу собственное отражение, свое лицо, четко перед своими же глазами. Здесь кто-то есть! Явственно ощущая присутствие позади меня кого-то, во мне нет паники, не знаю почему, я абсолютно спокоен. Это словно остаточная привычка. Все время она есть в твоей жизни, а потом в одну секунду она так или иначе исчезает, и уже спустя какое-то время происходит то, что снова подталкивает тебя к ней, но тело забыло, что это, а мозг все еще помнит, и в голове возникает конфликт понимания-осознания.

Он стоит позади меня. Только ветер отделяет меня от него. Затылком вроде бы я ощущаю присутствие некоего предмета. Это пистолет и он смотрит мне в затылок. Глухой выстрел и кажется, что звук почти замер в окружающем пространстве, продолжая очень медленно распространяться. Я слышу, как двигается затворная рама пистолета – медленно назад, окно выбрасывателя открывается, и из него плавно вылетает гильза, затем медленно вперед – вижу, как я закрываю глаза, и лишь ветер все не утихает, сильный, порывистый...

14 января 2014

Явление Мотива создает Событие.

Как чайный лист медленно раскрывается в гайвани, степенно отдавая свое естество воде, так собственными поступками человек отдает дань этой жизни, совершая События. Изменить мир вокруг, значит подчинить себя этим изменениям. Прежде всего, необходимо начать меняться самому. Здесь нет правил, только причины. Явление Мотива создает Событие.

Подчинение цели стать неуязвимым к любым внешним проявлениям, как позитивным, так и негативным – есть смысл пути странника. Абсолютная отрешенность и бесконечная уверенность в следующем своем шаге создает возможность появления Мотива. Пластичность ума, как средство, позволяет исключить саму возможность появления причин и среды для возникновения тех или иных Событий. Тем самым создается платформа, в которой любая, переживаемая в данный момент времени, ситуация исключает возникновение неожиданных Событий.

Тогда все становится частью единой системы, которой, при определенном мастерстве, можно управлять и самостоятельно включать в нее, как модули, собственные события, контролируя при этом ожидаемый результат. Как возможность множественной заварки хорошего чая, осуществляя работу над собой и собственной жизнью, в результате – полное удовлетворение от вкуса и собственных ощущений, полученных путем простых движений и наблюдений за происходящим.

Один шаг

26 мая 2013

Одиночкой стать легко.

Труднее пройти путь в обратном направлении.

I

Все уже ждали. Я не спеша спустился по лестнице, обдумывая все то, что я хочу сказать, четко выстраивая в голове фразы, подбирая каждое слово, которое хочу озвучить. Я абсолютно спокоен. Ощущение, словно, все, и в самом деле, идет своим чередом, словно так оно и было задумано во вселенских масштабах.

Лестница винтом-полукругом привела меня к прозрачным дверям. Я вошел, сбросил пальто. Абсолютная безмятежность, каждый шаг выверен, в голове четкая и сформированная схема, на лице гримаса, ничего не выражающая. Я прошел к столику, где все смотрели на меня, недоумевая, и увидел в этих глазах массу вопросов.

– Я прошу вас, – обратился я ко всем, – чтобы здесь, сейчас, что бы ни произошло, не перебивать меня, и не отвлекаться на «приходящее».

– Дима, – я обратился к человеку, который пришел сюда вместе со своей женой и сыном. Периодически быстро мигающие, глаза его выдавали в нем легкое смущение и недоумение по поводу всего происходящего, – я позвал тебя сюда, чтобы выразить тебе свое уважение, а также твоей супруге и сыну. Дай вам Бог долгих лет, счастливой жизни, и Степану прелестную добрую невесту! Мы знакомы с тобой не один год, и понимаем друг друга с полуслова. Я очень сильно ценю нашу дружбу, и надеюсь, что мы сохраним ее до конца дней. Не счесть того, сколько раз ты выручал меня, и всячески помогал. Огромное тебе спасибо! Я не могу вспомнить причин, но помню, что бывали и раздоры в наших отношениях. Дружба, тем не менее, не бывает без ссор, от них она – настоящая дружба, только крепче. Спасибо тебе!

На лице моего друга появилась легкая улыбка, которую можно заметить по его глазам – искренняя, настоящая. Мои слушатели продолжали внимательно смотреть на меня, я, в свою очередь, продолжал стоять перед ними, плавно излагая свои мысли.

– Здорово, Сашек! – обратился я к следующему своему другу, – Я многому научился у тебя: творческому подходу во всем, позитивному настрою, хотя с этим у меня всегда проблемы. Я очень ценю наши с тобой вылазки в лес, прогулки. Знаю, что всегда могу положиться на тебя, на твою помощь. Я очень это ценю, дружище! Я тебе очень благодарен. Другие посетители заведения завидели происходящее, и стали всячески выказывать свой интерес. Молодая парочка с улыбками стала оглядываться на мою компанию. Женщина позади с загадочным взглядом посмотрела на меня. Мужчина за соседним столиком справа, негодуя, оглядел меня сверху вниз.

Моя невербалика не выдала ровным счетом ничего. Я продолжал спокойно стоять, и смотреть на мою аудиторию. Я был непоколебим. После непродолжительной паузы я продолжил.

– Женя. Уверен, что наше с тобой знакомство с самого его начала не есть некая случайность. Не могу этого объяснить, но я абсолютно в этом уверен. Не знаю, заметил ли ты, но я очень многое у тебя перенял. С тобой я стал смотреть на вещи глубже, более пространно. Ты знаешь, я не люблю людей вообще, но после нашей с тобой встречи, нет – я их не любил, но стал более открыт и восприимчив к ним, при этом укрепив некую внутреннюю стену внутри себя, отгораживающую меня от общества. И допуск за нее весьма ограничен. Любая наша с тобой беседа всегда несет для меня массу полезной информации. Думаю, ты заметил, что я даже, по некоторым внешним признакам, стал похож на тебя. Порой, с тобой опасно, но всегда очень интересно. Тем более интересно, что зачастую ты сам не понимаешь, не осознаешь возможных последствий, но действуешь смело – именно это мне более всего и нравиться в тебе. Я благодарю судьбу за нашу с тобой встречу. Спасибо тебе за все!

На этом моменте я не смог не выказать эмоций. Здесь остался только один человек, которого я позвал, и с которым еще не говорил. Моя левая бровь приподнялась, и зависла там, наверху. Теперь я выдал себя, свое положение.

Его белая куртка выдавала прилежность и стремление к лоску во всем. Но я слишком долго его знал.

– Дима, я благодарен случаю, сведшему нас с тобой. Всему, что мы вместе с тобой пережили. Многое нас с тобой связывает. Было весело, здорово, круто, мы куражились, как могли, ты только вспомни, что мы вытворяли в юности! Но мы и ссорились, и снова судьба нас сводила. Нам с тобой всегда было и есть, что вспомнить, вместе посмеяться, и вместе погрустить. Пусть все обиды останутся в прошлом, но мы всегда будем помнить все произошедшее, ведь это была целая жизнь. Дружище, ты мой самый лучший друг.

Я сделал глубокую паузу. На моем лице выразилась строгость и сухость. Я продолжал.

– Я не хочу, чтобы ты обижался, и негодовал в отношении меня. Давай будем помнить только хорошее, что мы вместе пережили. Обиды прочь, но нам с тобой не по пути. Последняя фраза как нож в моей руке, вонзенный в грудь бывшего лучшего друга. Я предвкушал этот момент. Уверен, что рано или поздно это должно было произойти. Это был вполне логичный ход событий, по крайней мере, для меня. Дима должен был ожидать это событие. Я выждал время, дав знак всем, что сейчас не нужно слов, только тишина.

– Спасибо, что пришли, и выслушали меня.

Я неглубоко поклонился своим гостям, поблагодарил за то, что все прибыли в этот вечер, развернулся, и спешно вышел прочь.

II

Я обзвонил своих друзей, и любезно позвал прибыть их в назначенное время в заведение N нашего города. Я выбрал это место потому, что здесь довольно тихо и есть места для некурящих, предполагая возможное прибытие гостей с детьми. Никому ничего не объясняя, попросил всех просто явиться туда.

На душе многое накопилось, и я хотел высказаться перед людьми, которых уважаю и ценю. Нужно было расставить все точки, и попросить кого-то остаться, а кого-то уйти, ибо я не признаю ложь, как, какой бы то ни было, выход из ситуации. Это необходимо было сделать, чтобы не было никаких недоговоренностей и прежде всего перед самим собой.

Я прибыл с небольшим опозданием после того, как все отзвонились. Каждый. Никто не знал, что я позвал кого-то еще, кроме него самого. Вышел из такси, предварительно попросив ожидания, и стал медленно спускаться по лестнице, обдумывая все то, что я хочу сказать...

6 января 2014

Человек действительно любит, когда чувствует саму суть другого человека. Тогда любой человек может полюбить, и может полюбить любого другого человека?..

Спокойствие. Каждый элемент на своем месте. Вода, словно ветер, окутывающий странника, проникает в каждую скрытую полость скрученного в шарик листа. Раскрываясь, постепенно, он отдает всю свою силу, без остатка, воде. Дракон на гайвани оживает, и плавно извивается, словно говоря о неистовой силе напитка внутри. Железная Гуань Инь обволакивает полость рта, оставляя после себя металлический привкус. Он постепенно проникает вглубь тела, согревая его, и создавая свою, серого цвета, ауру.

Ударопрочность мозгов за пределом воображения. Мысли, словно осы, пробивают сознание, открывается истина собственной деятельности. После «помывки» и «женитьбы» чудесный напиток чист, и множественными завариваниями отдает всю мудрость каждый лист, при этом умирая, превращаясь в ничто.

Я должен оставаться жестким. Только таким странник может существовать, и выживать в этом мире. Его путь далек и бесконечно разнообразен. Семь вдохов и семь выдохов – путь решения любой задачи и принятия даже самого трудного решения. На пути встречается разное, самое примечательное это люди. С ними нужно быть всегда на чеку. Порой, может показаться, что сворачиваешь с пути и привал где-то в стороне. В действительности, путь прокладываешь ты сам, и никто не подсказчик страннику. Отношения, которые могут возникнуть между странником и людьми – только часть пути, они возникают, делятся и исчезают, превращаясь в ничто, словно лист Железной Гуань Инь.

История семейства Джонсов

05 июля 2012 – 14 августа 2012

I

Уже начались осенние дожди, и листва на деревьях пожухла и, окрасившись в красный и желтый цвета, начала осыпаться на мокрые дороги. Вечер выдался довольно теплый для этого времени года и земля, прогретая, еще греющим днем, солнцем медленно остывала. Теплая вода в лужах к утру испарялась, и превращалась в свежий и прохладный туман по утрам. Утро прохладой через незапертое окно проникло внутрь, и комната озарилась утренним солнцем. В этой небольшой квартирке на окраине города К. жил и работал корреспондент местной газеты Town News Джон Ньюэйдж. Уже далеко не мальчик, но еще и не закоренелый мужчина, не успевший еще полностью заматереть, Джон выглядел всегда ухоженно и скромно себя вел, где бы он ни находился, и с кем бы ни беседовал. Среднего роста, со светлыми волосами и карими глазами – он не отличался особенной мужской элегантностью и красотой черт лица и фигуры.

Он жил скромно и неприхотливо. В квартире, которую он снимал за небольшую плату, были только холодильник, возраст которого можно было подсчитать по количеству слоев разнообразного рисунка наклеек и самоклеящейся бумаги на нем, плитка – примерно ровесница холодильника и кровать, довольно большая для одного человека и маленькая для двоих. Квартира была небольшая, и едва оставалось свободное место для передвижения по ней, несмотря на скромность хозяйской утвари и быта.

Джон жил один, и никого к себе не водил. С женщинами он скромничал заговаривать, хотя и частенько заглядывал в бар в соседнем доме, пропустить пару стаканчиков после долгого рабочего дня. А уж в том баре, особенно по вечерам, можно было встретить много разного народа, и местного и приезжего из захолустья для ночевки в мотеле на втором этаже бара. Поэтому, из бара даже рано утром можно было услышать чьи-нибудь пьяные крики или бой посуды. Джон не был затворником, но всегда тщательно оценивал про себя происходящее вокруг. Неизвестно даже для него самого как, как-то по привычке примечал разные мелочи во внешнем виде окружающих, выхватывал отрывки звучащих вокруг фраз и складывал предположения о том, откуда приехал или пришел тот или иной сегодняшшний гость бара, чем тот занимается и как долго собирается пробыть в городе.

Как таковых друзей у Джона не было, а связь со своими предками окончательно была потеряна, когда тот, отучившись в колледже, уехал искать себя. Жизнь немало покидала его, и последние три года Джон работал корреспондентом в местной газете и был автором нескольких статей о лесных пожарах и каких-то маловажных событиях. Зарабатывал он не много, хватало только на жизнь, а порой и то с трудом. Он не был белоручкой и, в свободное время, когда финансы бесследно иссякали, он не чурался подработать и грузчиком на разгрузке железнодорожных вагонов. В общем, жил как получалось. Работа в газете была интересной, но не перспективной и чтобы как-то наполнить выпуск информацией, ему, как обычно, пришлось сегодня немало побегать и побывать в разных концах города. Так, изрядно устав за день, Джон, по обыкновению, зашел этой ночью в бар в соседнем доме.

Сегодня, на удивление, было не многолюдно и, стряхнув капли с пальто, Джон двинулся к стулу с круглым сидением около барной стойки. Она была выполнена из цельного массива дерева и была настолько длинной, что за раз могла обслужить полтора десятка сидящих за ней человек. Сверху, над ней висели лампы, испускающие мягкий приглушенный желтый свет, который рассеивался, проходя сквозь ряды свисающих бокалов. Присев на стул, Джон опустил лицо в свои ладони, и, словно, вытерев его, опустил руки на стойку.

Перед ним стоял бармен – человек небольшого роста, почти преклонного возраста с абсолютно невозмутимым лицом и не мигающими глазами.

– Виски. С содовой, – сказал Джон, жестом показав двойную порцию. Бармен с таким же невозмутимым лицом исполнил заказ и удалился в другой конец стойки. Дела печальны, думал Джон, рассуждая о скучности местных новостей и о том, что нет действительно достойного дела, о котором можно было бы написать и получить неплохое вознаграждение. Почувствовав за спиной чье-то присутствие, Джон лишь повернул голову, но не смог различить ни обличие неожиданного гостя, ни лица, словно тень промелькнула в другую сторону, и исчезла. Попросив бармена повторить заказ, Джон повернулся полу боком в другую сторону, и увидел человека в темном углу зала. Он был один, в шляпе и черном пальто. Он не был похож ни на местных (город насчитывал едва ли тысяч десять жителей), ни на одного из приезжих.

Трудно сказать, что в тот момент заинтересовало Джона, но тот, залпом выпив второй виски, и расплатившись, двинулся в сторону темного угла зала. Лицо человека разглядеть было трудно во мраке ночи и тусклом свете свисающих ламп. Шляпу тот предпочел не снимать.

– А я вас, кажется, знаю, – сказал человек в углу – вы работаете в местной газете.

– Совершенно верно, – ответил Джон – вы к нам проездом или надолго?

– Пожалуй, проездом. Вы что-нибудь слышали о происшествии, случившемся вчера в соседнем городке N, – спросил незнакомец. Здесь нужно сказать, что этот городок был не так уж и близко. Да и городом его назвать было трудно – так, небольшая деревушка, где живет несколько больших семей. Все приходились друг другу родственниками по той или иной линии. Вообще говоря, родственную связь среди них проследить порой было весьма трудно, но фамилий на всю деревню можно насчитать не больше семи. Каждый клан жил своим очагом на этой болотистой почве, а вместе они представляли собой город N. Далеким, даже скорее глухой, где редко появлялся новый человек, а проезжая по магистрали, чтобы попасть в N, нужно было свернуть с нее и проехать еще порядка двадцати километров через густой лес и мимо болотистых почв. В общем, странный городок, и что только держит людей там.

– Простите, не в курсе. Что за происшествие, что там произошло?

– По слухам, какая-то странная история, в которой погибли три человека – семья с маленьким ребенком.

– Интересно... А что... – не успел Джон задать вопрос, как незнакомец спешно поднялся со стула и со словами «Прошу прощения, но мне нужно бежать» исчез за дверью так же неожиданно, как и появился тенью за спиной.

Джон, будучи заинтригован новой историей, подскочил и почти бегом проследовал к двери, но, оказавшись на улице, знакомого не было видно, хотя прошло всего несколько секунд, как тот покинул бар. Дождь гоготал каплями по лужам, и Джон спешно направился домой. Скинув мокрую одежду на тумбочку, он с опьяненным сознанием стал перебирать мелочи происшедшей странной встречи.

Незнакомец, которого Джон явно не видел в городе ранее, в неприглядном облики, и не показывающий лица и своих рук, вдруг узнает Джона, и начинает беседу так же неожиданно, как и прерывает ее. Что-то во всем этом есть, нужно разузнать, что там стряслось у них в N.

Утро выдалось пасмурное, на улице слегка моросило, и в комнате было прохладно. Проснувшись от этой прохлады, Джон поспешил закрыть окно, и направился к плите – сварить кофе. Голова слегка болела, волосы стояли дыбом, и смутные воспоминания о вчерашней беседе с незнакомцем казались полнейшей выдумкой, игрой разума. Пока вариться кофе, Джон начал наводить порядок – убирать за собой вчера раскиданные вещи – пальто, шарф, туфли и тут что-то щелкнуло. Он увидел, что под дверью просунута газета. Он выпрямился, открыл дверь и обнаружил, что на площадке и во всем подъезде никого нет. Поднял газету – это был очередной выпуск местной газеты города B. Вот только каким образом она тут оказалась!? «Что она тут делает!?» – подумал Джон, раскрыл ее, и увидел на первой полосе статью о странном происшествии в N.

Как уже упоминалось ранее, город N не был, чем бы то ни было, действительно примечательным. Это был маленький городок, в котором люди жили домашним хозяйством, довольно бедно, но при этом никогда не жаловались. От инфраструктуры когда-то развитого города, поставляющего в соседние населенные пункты молоко, мясо и зерновые, остались лишь развалины пары улочек, которые даже не пересекаются. У них просто нет ни начала, ни конца. Зброшенные дома перемежались с еще обжитыми, среди которых во дворах не редкость были вросшие в землю, замшелые и никому не нужные постройки. Зачастую даже ворот не было, просто не от кого, да и нечего было закрывать.

Дома были частично построены из камня и древесины. Поэтому они были долговечны, но и они медленно, но верно вращались в землю. Городок постепенно «умирал». Молодые семьи уже давно сбежали из этих краев в поисках работы, заработка, да и вообще, более достойной жизни. Взрослеющие внуки не очень-то хотели навестить своих старых родственников в далеких болотистых краях с постоянными непроглядными туманами, сквозь которые крайне редко лучи солнца проникали на землю. Поэтому культурные посадки росли вяло, на улицах никого нельзя было встретить, а дома, не ожидая гостей, зачастую были заперты. В целом, природа здесь не примечательная, лишь ровно застеленные зеленой порослью холмистые луга, да скалы, словно, вырывающиеся из-под земли наружу с замшелыми верхушками, нередко увенчанными молодыми деревьями и кустами. Цивилизованных дорог здесь отроду не было, одна – и-то медленно, но верно зарастающая луговой травой гравийная узкая дорога, на которой едва ли уместиться машина.

Подняв с пола газету, Джон развернул ее и на первой полосе, прочитал заголовок «Странное происшествие в N.». Закрывая дверь, Джон снова почувствовал это странное присутствие кого-то или чего-то рядом. Точно как в тот раз в баре, когда чья-то тень промелькнула за спиной, а потом превратилась в странного незнакомца за угловым столиком. Джон еще раз выглянул в коридор, посмотрел в одну сторону – никого, повернул голову в другую, а перед ним стояла хозяйка квартиры. От неожиданности он откинулся назад, прижавшись спиной к дверной коробке и проронив газету обратно на пол.

– Чего вы так испугались!? – прокричала престарелая хозяйка, подбоченясь – знаете, какое сегодня число? Пора бы заплатить за квартиру.

– Я... я просто не ожидал вас здесь увидеть – немного придя в себя, ответил Джон.

– И очень зря, небось, не чем платить? – с уверенностью сказала старуха, потянувшись, чтобы заглянуть в квартиру через дверной проем, но быстро приняла исходную стойку – больше задержек в оплате я не потерплю!

– Миссис Джейкил, сейчас у меня действительно трудные времена, я и так еле свожу концы с концами... Если вы меня выгоните, то я останусь на улице! – начал было объясняться Джон, но старая хозяйка остановила его, перебив и укорительно водя пальцем перед его носом:

– Это все отговорки лентяев и слюнтяев! Но, – она выдержала паузу, – так как в этом городишке трудно найти нового человека, которому можно было бы сдать квартиру. Я даю вам еще два дня. Но учтите, что если и тогда вы не будете готовы заплатить, то пеняйте на себя, – сказав это, и скорчив надменное лицо, она удалилась.

Забыв вовсе о газете, Джон вернулся в квартиру, но вспомнив о новом потенциальном интересном деле, действительно интересном, поднял газету и начал читать. Статья на самом деле была короткой, и, по существу, в ней сообщалось о некоем семействе Джонсов, чье исчезновение немало потрясло окружающие города и деревеньки, хотя трудно среди них было найти человека, который бывал в N. за последние несколько лет. В статье также было представлено семейное фото Джонсов, где были отец с матерью, и трое детей – две девочки и мальчик, явно постарше сестер. Фото, очевидно, было взято из архивов, так как в тексте статьи говорилось, что была обнаружена брошенная машина, зарегистрированная на Джереми Джонса, но при этом сами члены семьи отсутствовали, а в городе N. никто ничего не слышал, и понятия не имел

о случившемся. Хотя не то что узнать от кого-либо информацию по этому делу было трудно, а даже найти дом, где бы открыли дверь недоверчивые хозяева, или кого-либо встретить, гуляющим по улице, не представлялось возможным (прим. автора). В общем, статья носила обзорный характер, и имела скудную информацию о произошедшем.

II

Мелкий противный дождь посыпал улицу, расплываясь в утренних лужах. Небо, цвета дороги, под ногами создавали ощущение пребывания, словно, в коробке с серыми стенками и не было даже намека на прояснение. По обыкновению, в пальто и шляпе, Джон уже целенаправленно направлялся в архивное бюро, которое располагалось не далее, чем в четырех кварталах от места, где он жил. Охваченный интересом к новому интригующему делу, он быстро преодолевал маршрут, пересеченный большими лужами и сложной системой проулков с, то заасфальтированной дорогой, то покрытой брусчаткой из камня. Здание архивного бюро было исполнено в готическом стиле, очевидно, оно было одно из старейших зданий города, и было отдано на «сохранение» государственным структурам. Вход в него представлял собой высокие массивные двери из двух створок с дверными ручками в виде металлических колец. Проникнув внутрь, перед посетителем открывалось огромное по своим размерам помещение с очень высокими потолками и непривычной тишиной. Пол был ровным и, в виде мозаики, на нем красовалась роза ветров с точным направлением на стороны горизонта. В дальнем углу помещения находился большой дубовый стол с суконным покрытием столешницы, освещенный лампой с зеленым стеклянным абажуром. За ним на стуле, который был исполнен подстать столу, находилась женщина пожилых лет в очках с овальными линзами на цепочке, и перебирала какие-то документы.

– Доброе утро. Мое имя Джон Ньюэйдж. Я корреспондент местной газеты Town News. – сообщил Джон, показывая свое удостоверение.

– Утро доброе. Чем могу быть полезной? – ответила женщина, поглядывая исподлобья, опустив очки на кончик носа.

– Меня интересует некое семейство Джонсов, некогда проживавшее в городке под названием N. В местной газете В. появилось известие об исчезновении Джонсов, и я взял на себя ответственность провести расследование, дабы прояснить неясности данного дела.

– Я вас провожу в архивную комнату.

Пройдя через несколько дверей и еле освещенных комнат, они оказались в объемном помещении, которое имело прямоугольную форму с круговой лоджией. В зале находилось не меньше, уже знакомых Джону, столов с лампами и стульями, расположенных рядами, уходящими к дальней стене комнаты, когда в начале ее находилась массивная круговая трибуна с картотекой. На лоджиях находились многочисленные шкафы, на полках которых были составлены папки, хранящие многовековую историю местных земель. Дело в том, что архивное бюро было перенесено сюда из В. в целях придания ему должного вида, путем размещения его в историческом здании более крупного и развитого К. (прим. Автора)

– Что конкретно вас интересует? Чем я могу быть вам полезной? – радушно спросила женщина в овальных очках.

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы оставили меня наедине с самим собой. Как только я закончу, я вас непременно отыщу.

– Как вам будет угодно. Я буду неподалеку. Я как раз собиралась в архив, – сказала архивариус и направилась к трибуне с картотекой.

Джон достал из своей дорожной сумки ежедневник, ручку и газету – единственную пока зацепку по всему этому делу. Единственную потому, что не было смысла ехать в редакцию в В., так как вряд ли кто-либо смог бы дать более подробную информацию. Там в этом довольно заброшенном городе никто бы и не стал, особенно, разбираться по поводу исчезновения какой-то там семьи в глубоком захолустье, где и так живет людей столько, что их по пальцам можно было бы пересчитать.

Быстро найдя интересующую карточку, женщина поднялась на лоджию, нашла интересующую папку и вышла, оставив дверь открытой. Джон оглядел помещение, и направился к картотеке. Перед ним на подставке стоял ролик с присоединенными к нему карточками, в алфавитном порядке. Он некоторое время покрутил его то вперед, то назад, размышляя над тем, с какой стороны начать собирать информацию.

Для начала, решил Джон, нужно перечитать статью. Он тщательно прочитал ее еще раз, сверив изложенные факты со своими рассуждениями. Мыслей по поводу произошедшего события пока никаких конкретных не было, да и зацепок все дело не предвещало.

Начать расследование имело смысл с самого семейства, что и сделал Джон, остановив барабан с карточками на букве «Д». Прочитав соответствующую карту с первыми буквами «Дадди» он получил направление на ближний угол помещения. Стеллажи были почти до потолка, и это при их-то высоте! Довольно темно, и только лампы на разделительных стойках немного рассеивали сумрак. Невдалеке обнаружилась приставленная лестница,двигающаяся вдоль полок по полозкам. Взобравшись на нее, Джон быстро нашел нужную связку папок под легким слоем пыли и паутины. На лестнице сверху имелась поверхность, на которой можно легко расположить несколько папок в раскрытом виде. В стопке была папка под названием «Джонс». Взяв ее, и выйдя на свет, Джон, уже не имея сомнений в правильности выбора, направился к столам вдоль залы, и сел за один из них. Под зеленоватым светом стеклянной лампы стало видно, что папка и документы в ней очень старые, и хранятся здесь уже далеко не один десяток лет. В папке содержались различные документы из всевозможных государственных инстанций: от копий свидетельств о рождении, до мест проживания и регистрации детей. Из папки под номером 1241 Джон узнал, что семейство Джонсов насчитывает в своем роду порядка сотни человек с тех пор, как первые Джонсы поселились в тогда еще «крепкой» и хорошо известной в округе деревне. Среди членов клана были и врачи, и учителя, и государственные служащие. Позднее, в 70-х, когда все стало приходить в упадок и уныние, народ стал разъезжаться в поисках перспектив и прибыльности, в этом местечке наступило некое забвение, продолжающееся вот уже более двадцати лет. Джонсы не были исключением, и отец пропавшего вместе со всей своей семьей Джереми Джонса, не был исключением, и в свое время он увез всю семью из N. В большом городе можно было найти достойную работу, где платили бы достаточно денег, чтобы прокормить семью. Повзрослев, Джереми работал и в обувной лавке и лакеем, и кем только он ни работал, но, однажды, познакомившись с прекрасной девушкой по имени Изабелл, уже не мог оставаться без нее и, будучи на определенном жизненном перепутье, они уехали обратно в родные края Джереми. Изабелл родилась и росла в обычной семье, не отличавшейся ни особым достатком, ни крупными связями, но при этом они жили хорошо, и про себя говорили, что не нуждаются ни в чем. Эта непринужденность и скромность в быту помогла Изабелл стойко переносить тяготы новой – замужней жизни. Вместе с Джереми они делали всю работу по дому. Всегда дружно и во всем помогали друг другу. Изабелл была молода и прекрасна. Ее фигура и длинные русые волосы, голубые глаза и нежные руки влюбляли в себя, и Джереми не видел никого и ничего вокруг кроме нее. Изабелл была единственной дочерью, и всегда мечтала о сестре, поэтому в своих грезах она видела себя любящей женой и матерью большой семьи. Отца она любила, как, в прочем, и он ее. Ласково называл дочь «кнопкой», он сажал ее, еще маленькую, к себе на колени, и рассказывал свои порой смешные, но поучительные истории из своей жизни. Поэтому она была хорошо воспитана и скромна, как полагается настоящей девушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.